

Некоторые тенденции освещения истории Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии

Ю. А. Никифоров, Р. Ф. Субханкулов*

До начала 1990-х гг. история Советско-финляндской войны относилась к числу тем, изучение которых было крайне затруднено. В советской историографии, по сути, не было специальных работ, где исследовались бы причины войны. Вне поля зрения историков также оставались вопросы, связанные с ее итогами: проблема присоединения Финляндии к агрессивной коалиции, возглавляемой Германией, для участия в нападении на СССР летом 1941 г., вопрос о влиянии результатов войны на определение Гитлером сроков агрессии, и т. п. Объективной предпосылкой такого положения дел было ограничение доступа к документам, имевшим отношение к этим событиям. Распространенные в литературе оценки и представления соответствовали общей оценке причин и итогов войны, данной советским руководством в официальных документах и выступлениях.

В советское время почти на протяжении полувека в историографии господствовало представление, согласно которому Советско-финляндская война 1939–1940 гг. была спровоцирована финской стороной. При описании причин ее возникновения указывалось в первую очередь на враждебную политику финских правящих кругов в отношении СССР, зависимость Финляндии от стран Запада (обоих противоборствующих блоков), навязавших ей роль «военного плацдарма империалистических государств». Ответственность за возникновение войны возлагалась, таким образом,

на державы Запада, «спровоцировавшие» Финляндию на военное выступление против СССР, а также «реакционные круги» самой Финляндии¹.

Подобные оценки, однако, были характерны в первую очередь для публицистической литературы, предназначавшейся для массового читателя. На фоне нормализации и укрепления добрососедских отношений между Финляндией и СССР к концу 1950-х гг. они постепенно ушли в тень, и о событиях «зимней войны» в этой ситуации вспоминали все реже. Более того, война, как правило, называлась не войной, а «вооруженным конфликтом». До 1980-х гг. историки, в сущности, избегали подробно исследовать позицию руководства СССР и политику, которую оно проводило на международной арене в конце 1930-х гг., в том числе в отношении Финляндии. Это относится к работам таких известных историков, как Е. А. Амбарцумов, В. Г. Федоров, Ю. Комиссаров (Ю. С. Дерябин), В. В. Похлебкин и др.².

Что касается итогов войны, то официальная их оценка со стороны Советского Союза давалась прежде всего через призму задачи обеспечения безопасности Ленинграда³ и вошла в советскую историографию Второй мировой войны как общепринятая. Сразу после окончания Второй мировой войны известный политический деятель О. Куусинен в ряде публицистических по характеру работ обосновал тезис о том, что Финляндия являлась сателлитом гитлеровской Германии⁴. Его статьи, равно как и статьи ряда других

* Юрий Александрович Никифоров — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Руслан Фанзилевич Субханкулов — соискатель кафедры истории Военного университета.

авторов⁵ были полемически заострены против утверждений о наличии причинно-следственной связи между Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. и решением финского руководства присоединиться к гитлеровскому «походу на Восток».

В финской же историографии в течение десятилетий после войны господствовала теория «бревна в стремительном потоке»⁶, согласно которой Финляндия вступила в войну с СССР в 1941 г. в силу «советской угрозы», т. е. против своего желания, и лишь «прибегнула к помощи» нацистской Германии.⁷ Эта концепция, по-видимому, являлась общей для западной историографии периода «холодной войны», о чем свидетельствует воспроизведение соответствующих оценок и интерпретаций как в немецкой, так и англоязычной послевоенной литературе⁸. На критику теории «сплавного бревна» и доказательству того, что в 1940–1941 гг. существовала зависимость Финляндии от Германии, и были направлены усилия тех советских историков, кто до конца 1980-х гг. так или иначе занимался исследованием вопроса⁹. Наиболее последовательное обоснование ложности этой теории было дано в трудах петербургских историков Н. И. Барышникова, В. Н. Барышникова, В. Г. Федорова¹⁰.

На новом этапе развития отечественной историографии сложились предпосылки для более углубленного изучения истории Второй мировой войны и ликвидации ряда «белых пятен». События 1939–1941 гг. привлекли особое внимание историков и широкой общественности, поскольку были изучены в недостаточной степени и, помимо всего прочего, служили предметом злободневных политических дискуссий. В конце 1980-х официально было признано существование секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. Это дало толчок к переоценке целого ряда событий конца 1930-х — 1941 гг., в том числе событий «зимней войны», признанной «одной из самых закрытых» ранее тем для исследования¹¹. К сожалению, в период «перестройки» освещение в историко-публицистической литературе ранее закрытых для широкого обсуждения тем велось под очевидным влиянием общественно-политической ситуации. Всевозможные исторические «сенсации» и история в целом использовались в идеологической кампании по подрыву легитимности советского государства¹². Это негативным образом сказывалось на качестве публиковавшихся материалов на исторические темы: изложение непростых, дискуссионных и малоисследованных вопросов зачастую было поверхностным, анализ и объяснение подменялись эмоциональными оценками, выводы авторов при нарочитой категоричности оказывались слабо аргументированными. В то же время специалисты-историки не имели возможности для того, чтобы в новых условиях «гласности» немедленно предложить обществу основанные на непредвзятом изучении только что рассекреченных документов исследования, для проведения которых требовалось время.

В печати появилось много статей о ходе войны и событиях, ей предшествовавших¹³, авторы которых спешили удовлетворить интерес читающей публики к «белым пятнам» советской истории. По мнению В. Н. Барышникова, переломным с точки зрения оценок Советско-финляндской войны был 1989 год¹⁴. Именно тогда появились работы, в которых признавалось, что инициатива начала войны исходила от СССР. Кроме того, началось издание ранее секретных документов, а также не публиковавшихся мемуаров видных государственных деятелей СССР, в частности, Н. С. Хрущева и А. Коллонтай¹⁵. К настоящему моменту в научный оборот введено значительное число источников, позволивших вывести изучение «зимней войны» на качественно новый уровень¹⁶.

С этого времени является общепризнанным, что Советско-финляндская война была начата Советским Союзом. Так называемые пограничные провокации финской стороны, в том числе выстрелы в Майнила 26 ноября 1939 г., не могут рассматриваться как причина войны, поскольку решение о ее начале принималось в Москве под влиянием срыва советско-финляндских переговоров осени 1939 г. Пограничные же инциденты использовались советским руководством для усиления дипломатического давления на Финляндию и — как в случае с происшествием в Майнила — повод для развязывания конфликта.

Наиболее непримиримая критика сталинской внешней политики опиралась на широкий круг представлений, согласно которым СССР проводил экспансионистский внешнеполитический курс, и сотрудничество с соседними государствами вовсе не входило в программу действий советского руководства, ставившего целью их подчинение и включение в состав СССР¹⁷. Получило распространение также мнение о «ненужности» советско-финляндской войны, которая расценивалась как ошибка советского руководства, повлекшая за собой негативные для СССР последствия¹⁸.

Представление о «ненужности» и «случайности» советско-финляндского конфликта подразумевает отрицание традиционного для отечественных историков взгляда, связывающего возникновение войны с проблемой необходимости обеспечения безопасности Ленинграда в условиях начавшейся Второй мировой войны в Европе, близостью прохождения советско-финской границы и возможностью вовлечения Финляндии в коалицию враждебных СССР государств. Тем не менее, М. И. Семиряга писал, что «главным фактором, предопределившим... советско-финляндский конфликт, был характер политической обстановки в регионе Северной Европы, особенно двусторонних отношений между СССР и Финляндией. ...Разумеется, сама Финляндия не могла напасть на Советский Союз, однако советское руководство не исключало, что какая-нибудь держава Запада могла даже без ее согласия использовать территорию в агрессивных целях»¹⁹.

Более радикальная позиция, которую с полным основанием можно характеризовать как ревизионистскую по отношению к советской историографии, представлена в работах К. Александра, Б. Соколова, П. Аптекаря и ряда других авторов, носящих скорее публицистический, нежели научный характер. Возникновение советско-финляндской войны непосредственно связывается здесь с «экспансионистским внешнеполитическим курсом» СССР в целях «разжигания мировой революции»²⁰. Известные факты интерпретируются прежде всего исходя из общего представления о намерении сталинского руководства совершить нападение на сопредельные страны, чтобы «освободить Европу от ига капитализма», а дипломатические инициативы СССР, нацеленные на изменение границы с Финляндией — как лишь одно из средств, использованных Сталиным для создания условий, при которых станет возможной оккупация и «советизация» Финляндии. Советская же риторика об угрозе «безопасности Ленинграда» — лишь предлог для переноса границы «дальше на запад»²¹.

В середине 1990-х гг. к этой точке зрения склонился и М. И. Семиряга, заявивший в ходе дискуссии на страницах журнала «Родина», что для определения характера «зимней войны» «не обязательно анализировать переговоры осени 1939 г. Для этого нужно просто знать общую концепцию мирового коммунистического движения Коминтерна и сталинскую концепцию — великодержавные претензии на те регионы, которые раньше входили в состав Российской империи... А цели были — присоединить в целом всю Финляндию. И ни к чему разговоры о 35 километрах до Ленинграда, 25 километрах до Ленинграда...»²².

Как справедливо отметил В. Н. Барышников, тезис об экспансионистских целях руководства СССР в 1930-е гг. не основан на анализе советской внешней политики в 1920–1930-е гг. либо каких-то ранее секретных документах этого периода. Главным доказательством наличия этих целей служит в первую очередь сама «зимняя война», которая интерпретируется как попытка «советизации» Финляндии, а также ряд других внешнеполитических акций СССР, предпринятых в 1939–1940 гг. (вступление РККА на территорию Польши 17 сентября 1939 г., включение в состав СССР прибалтийских государств летом 1940 г.), а также соответствующее истолкование содержания договора о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. и секретных протоколов к нему. Характерной особенностью подхода к источникам названной группы авторов можно считать недоверие к зафиксированной в советских официальных документах (заявлениях Советского правительства, стенограммах двусторонних переговоров и т. п.) позиции. Как правило, давая комментарий к тем или иным цитатам из источников, эти историки имеют в виду, что официальная позиция советского руководства (или лично Сталина) была исключительно лицемерной и конъюнктурной, призванной облегчить достижение подлинных недек-

ларируемых целей достижения мирового господства. Характерным представляется также тот факт, что сталинский экспансионизм связывается в данном случае то с доктриной мировой революции и деятельностью Коминтерна, то с «великодержавными амбициями» и претензиями на геополитическое наследство Российской империи, что, казалось бы, трудно согласовать. Представляется, эта неопределенность в первую очередь связана с трудностью обоснования того и другого варианта с опорой на источники.

Широкие экспансионистские цели, по сути, просто приписываются советскому руководству. М. И. Мельтюхов, например, рассматривает историю возникновения «зимней войны» как один из эпизодов глобальной борьбы великих держав за расширение своего влияния в мире. Его подход отличает признание независимости этой борьбы от характера существующего в той или иной стране политического режима и господствующих социально-экономических отношений. Война, считает Мельтюхов, — просто «один из методов взаимоотношений государств на международной арене»²³. Советскому Союзу Мельтюхов приписывает цель «глобального переустройства системы международных отношений» и, соответственно, заинтересованность в возникновении новой мировой войны²⁴.

Противная точка зрения в первую очередь исходит из признания существования реальной военной угрозы для СССР в 1930-е гг., и озабоченность руководства СССР проблемой обеспечения и укрепления безопасности страны рассматривается как обоснованная. «Для Советского Союза ситуация вокруг Финляндии была тесно связана с проблемой безопасности СССР, особенно если учесть, что от нее до Ленинграда было всего 32 км, — указывает, например, академик А. О. Чубарьян. — Руководство СССР постоянно беспокоила активность Германии в этой стране, а также тесные связи финской элиты с Великобританией и Францией»²⁵.

Ревизионистская точка зрения, как уже говорилось, в первую очередь была представлена в периодических изданиях конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. Исторические исследования конца 1990-х и более позднего периода содержали более развернутое изложение обстоятельств, приведших к войне, учитывавшее целый ряд факторов, никак не сводимых исключительно к идеологической индоктринированности советского руководства.

Обоснованием заинтересованности руководства Советского Союза в первую очередь в обеспечении безопасности своих границ служит история переговоров СССР с Финляндией в 1939 г. Территориальные уступки, которых Советское правительство добивалось от Финляндии, должны были так или иначе улучшить геостратегическое положение Ленинграда. Эта позиция была сформулирована Сталиным в ходе переговоров четко и недвусмысленно: «Мы просим,

чтобы расстояние от Ленинграда до линии границы было бы семьдесят километров. Таковы наши минимальные требования, и вы не должны думать, что мы уменьшим их. Мы не можем передвинуть Ленинград, поэтому линия границы должна быть перенесена»²⁶. В 1996 г. стала известной ранее засекреченная стенограмма совещания высшего командного состава Красной Армии, проходившего в ЦК ВКП(б) 14–17 апреля 1940 г., на котором Сталин, подводя итоги войны, высказался следующим образом: «Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества»²⁷. Таким образом, эти и другие имеющиеся в распоряжении историков источники отражают в первую очередь прагматический характер мотивации сталинских действий, не связанных напрямую с реализацией каких-либо идеологических доктрин.

История советско-финляндских переговоров 1938–1939 гг. подробно рассмотрена в работах В. Н. Барышникова, М. И. Мельтюхова, В. Я. Сиполса, А. О. Чубарьяна, А. В. Шубина, и др. Как представляется, содержание переговоров свидетельствует о намерении Москвы добиться улучшения своих позиций на Балтике, и оккупация Финляндии не входила в намерения советского руководства. Убедившись в невозможности добиться от Финляндии уступок дипломатическим путем, советское руководство приняло решение начать войну²⁸. А. В. Шубин, в частности, подчеркивает, что ссылки на нейтралитет Финляндии как на обстоятельство, гарантировавшее ее неучастие во враждебной Советскому Союзу коалиции, несостоятельны. Нейтралитет малых стран, как показал опыт европейской войны, не являлся препятствием для германской агрессии. Поэтому у Сталина были основания опасаться высадки экспедиционного корпуса противника в Финляндии и прохода его через ее территорию для удара по Ленинграду²⁹.

Что касается ссылки при реконструкции причин конфликта на коминтерновскую идеологию или сталинское великодержавие, считает А. В. Шубин, то содержание советско-финских переговоров осенью 1939 г. свидетельствует о том, что эти общие мотивы не играли существенной роли при решении вопроса, быть или не быть войне. «...если бы Сталин держал в голове только интересы «мирового коммунистического движения», — пишет он, — ему не следовало торговаться из-за километров границы. Все равно все потом достанется коммунистам. И войну вести не следует — агрессивная война подрывает авторитет коммунистического движения. <...> Другое дело — великодержавные претензии... Но торговаться из-за километров опять глупо... А Сталин — нате — торговался, теряя драгоценное время, оставшееся до зимы»³⁰.

Содержание советских предложений о переносе границы также свидетельствует в пользу данной точки зрения. Советские требования, — обращает

внимание А. О. Чубарьян, — имели длительное историческое прошлое. Например, накануне Первой мировой войны российский Генеральный штаб подготовил меморандум, где угроза нападения Германии с использованием территории Финляндии охарактеризована примерно так же, как она виделась спустя четверть века Сталину и Генштабу Красной Армии. В 1920 г. во время переговоров о заключении Тартуского мира советская делегация просила финнов уступить часть территории на Карельском перешейке к северу от Ленинграда и некоторые острова в Финском заливе³¹.

Эту аргументацию нельзя не признать достаточно убедительной: действительно, содержание переговоров, в ходе которых советская сторона настойчиво добивалась именно переноса границы, неоднократно корректируя свои предложения («торговалась») в надежде на то, что финны пойдут на компромисс, свидетельствует о том, что для советского руководства в тот период на первом плане стояла задача не реализации каких-либо идеологических доктрин, а достижение улучшения своих геостратегических позиций в преддверии участия в мировой войне.

Этому не противоречит даже признание одной из целей войны со стороны Советского Союза приведение к власти в Финляндии «народного правительства» во главе с О. Куусиненом, как полагает, например, М. И. Мельтюхов, считая, что это «вообще бы сняло бы вопрос о границах»³². Дело в том, что идея создания «правительства О. Куусинена» была импровизацией советской стороны, к которой решено было прибегнуть тогда, когда советско-финские переговоры зашли в тупик и сталинское руководство склонилось к силовому варианту разрешения конфликта³³. Представляется, что до осени 1939 г. советское руководство не предполагало нападать на Финляндию, и тем более не имело в виду ее оккупацию. Только срыв переговоров осени 1939 г. подтолкнул Сталина к решению начать в войну. Конечно, в Кремле могли прорабатывать вариант, при котором Красная Армия сумеет в короткий срок решить поставленную задачу разгрома финской армии и, возможно, занять Хельсинки. Тем не менее, окончательное решение относительно судьбы Финляндии вряд ли могло быть принято до успешного окончания военных действий. Во всяком случае, материалов, на основе которых можно судить о наличии в Кремле совершенно определенных планов относительно будущего Финляндии, на сегодняшний день недостаточно, чтобы сделать окончательный вывод по этому вопросу. Это стоит подчеркнуть, поскольку в историографии сегодня можно встретить совершенно необоснованные утверждения, будто российские историки «практически все единодушны в том, что стремление Советского правительства заключалось в присоединении Финляндии и образовании на ее территории социалистического государства или даже союзной республики...»³⁴. Как мы видели, отношение историков к данной проблеме далеко не столь однозначно.

До начала 1990-х гг. изучение истории формирования и функционирования «Терийокского правительства» («правительства Куусинена») было крайне затруднено, так как историки могли использовать, по сути, только опубликованные советской печатью официальные документы. Лишь после распада СССР появились предпосылки для научного исследования всего комплекса проблем, связанных с целями правительства Советского Союза в войне против Финляндии. В том числе в центре внимания оказалась и история «правительства Куусинена». Наиболее серьезным исследованием по данной теме на сегодняшний день является монография Н. И. и В. Н. Барышниковых³⁵. Обобщая накопленный современной наукой материал, авторы приводят дополнительные подтверждения относительно того, что инициатива создания «правительства» исходила исключительно с советской стороны, раскрывают методы контроля Кремля за деятельностью его членов и конкретизируют круг лиц, стоявших за реализацией этой идеи. Авторы подчеркивают, что его главной целью было содействие реализации общего плана «зимней войны»³⁶. Прежде всего, провозглашение «правительства» в Терийоках было направлено на раскол финского общества, его дезорганизацию в войне против СССР. В документах «правительства Куусинена» подчеркивалось, что «Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза...»³⁷. Что же касается перспектив этого «правительства», то они должны были зависеть от поддержки его действий населением Финляндии.

Оценивая создание «правительства Куусинена» как крупную политическую ошибку³⁸, Н. И. и В. Н. Барышниковы убедительно показывают, что создание «народного правительства» не являлось плодом какого-то долго вынашивавшегося замысла. Этот шаг, наряду с решением начать войну с Финляндией, был недостаточно подготовлен, и его практическая реализация была далека от совершенства.

Отметим, что во многих работах история возникновения Советско-финляндской войны сводится исключительно к сюжету переговорного процесса, а затем противостояния СССР и Финляндии. Однако влияние на ход переговоров, а значит, и на решение вопроса, быть или не быть войне, оказывали другие державы. По нашему мнению, рассмотрение Советско-финляндской войны в широком контексте развития ситуации в Европе в ходе предвоенного кризиса позволяет учесть при выявлении причин конфликта ряд других, не всегда попадающих в поле зрения факторов, что дает возможность нарисовать более панорамную и объективную картину, не сводимую в целом к двусторонним отношениям СССР и Финляндии (даже с учетом позиции Германии и наличия секретного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г.). А. Г. Донгаров еще в 1990 г. обращал внимание на то, что «истинные, фундаментальные причины лежали за рамками отно-

шений между двумя странами. Взятые сами по себе, пусть далеко не идеальные, советско-финляндские отношения не подразумевали неизбежности вооруженного конфликта»³⁹.

Для специалистов ясно, что научная реконструкция причин советско-финляндского конфликта невозможна без учета общего фона европейской политики, оказывавшего существенное влияние на советско-финляндские отношения. Источники напряженности в советско-финских отношениях были связаны с общим обострением ситуации в Европе, состоянием отношений СССР с Германией и Англией. Конфликт интересов великих держав вовлекал в свою орбиту все большее число малых стран, судьба которых начинала зависеть от хода глобального противоборства. Агрессия Германии в Европе на фоне проводимой Англией и Францией политики «умиротворения» подвели Европу к новой мировой войне. Что касается Советского Союза, то он не мог всерьез рассчитывать остаться в стороне от конфликта, потенциально несшего угрозу его государственной независимости и существованию населявших его народов⁴⁰. В. С. Христофоров, например, подчеркивает: «Представляется очевидным, что события Зимней войны надо рассматривать прежде всего не в двустороннем формате — виноват или только СССР или только Финляндия, как это было типично для советской историографии или для финской, а взглянуть на события шире, проанализировав политические позиции, занятые всеми державами, так называемыми «малыми» и «великими», взаимоисключающие интересы которых столкнулись в условиях начавшейся Второй мировой войны на северном фланге Европы»⁴¹.

Начало войны между Германией и англо-французской коалицией, а также советско-германский договор о ненападении 1939 г. можно рассматривать прежде всего как непосредственные предпосылки возникновения «зимней войны». В результате нападения Германии на Польшу, объявления Англией и Францией войны Германии, а также достигнутого урегулирования советско-германских отношений создалась ситуация, в которой стало возможным принятие решения в Кремле о применении военной силы для решения вопроса о переносе границы. Наличие этих предпосылок не означало, однако, неизбежности возникновения советско-финляндской войны — ее непосредственные причины связаны, с одной стороны, с интенцией советского руководства добиться улучшения геостратегических позиций в Балтийском регионе в целях укрепления собственной безопасности, а с другой стороны — с позицией правительства Финляндии, избравшей вариант жесткого противостояния и отвержения советских требований.

Говоря об оценке итогов «зимней войны», то для исторической публицистики первой половины 1990-х гг. была характерна общая оценка Советско-финляндской войны как ненужной авантюры, результаты которой в целом носили в первую очередь негативный характер для нашей страны⁴². Достигнутая

Красной Армией победа в войне нередко характеризовалась как «пиррова» (М. И. Семиряга, Б. В. Соколов), некоторые авторы даже считали возможным говорить о «поражении» советской внешнеполитической стратегии и т. п.⁴³

Подобные оценки выступали как базис для рассмотрения более частных сюжетов. В частности, одним из наиболее часто называемых последствий войны является оказанное ее ходом и итогами влияние на позицию Германии и ее политику в отношении СССР. Как правило, утверждалось наличие непосредственной связи между ходом Советско-финляндской войны и политикой Германии в отношении Советского Союза после ее окончания. Например, Г. Л. Розанов в монографии «Сталин — Гитлер», изданной в 1991 г., писал, что ход и исход войны «существенно повлияли» на решения, принимаемые в Берлине относительно СССР⁴⁴.

Г. Л. Розанов показал, что в период Советско-финляндской войны Германия заняла позицию «формального нейтралитета при тайной поддержке Финляндии», поскольку ее интересам больше всего соответствовал затяжной конфликт, ослаблявший СССР и обострявший его отношения с Англией и США⁴⁵. В Берлине пристально следили за ходом войны, и приняли решение о сокращении сроков подготовки войны против СССР ввиду выявившейся слабости Красной Армии. Таким образом, считал Г. Л. Розанов, одним из результатов «зимней войны» стала «корректировка расписания актов агрессии», сделанная Гитлером, что дало основание историку оценить «финскую авантюру Сталина» как ошибку и преступление⁴⁶.

Слабость Красной Армии, выявившаяся якобы в ходе Советско-финляндской войны, расценивалась, в свою очередь, как причина того, что Советский Союз перестал рассматриваться как надежный союзник в Лондоне и Париже. «Финская кампания Красной Армии, — писал, например, в «Военно-историческом журнале» А. М. Носков, — как бы на миг высветила тот дисбаланс военной мощи в пользу фашистской Германии, который возник в результате раскола антифашистских сил как в каждой из европейских стран, так и в Европе в целом. Советский Союз уже не стал рассматриваться как серьезный фактор силы или надежный союзник в наступившей войне»⁴⁷. Война, указывает Носков, привела к еще большей изоляции Советского Союза на международной арене, «западные державы стали занимать открыто враждебную позицию в отношении СССР, рассматривая его как потенциального противника». С этим согласен П. Б. Липатов: «Война с Финляндией и бомбардировки городов осложнили международное положение Советского Союза»⁴⁸.

А. М. Носков также полагал, что понесенные в «зимней войне» потери потребовали передышки для Красной Армии, вызвали необходимость перестройки и переоснащения. Это будто бы порождало у советского руководства страх и неуверенность, что и стало причиной для проведения политики «умиро-

творения» Гитлера. Что касается Германии, то в Берлине появилась уверенность, что СССР не сможет оказать помощи Франции и Англии⁴⁹.

Подобным образом рассуждал и М. И. Семиряга. По его мнению, общая оценка боеспособности Красной Армии, сделанная в европейских столицах, была низкой. Военные атташе «весьма критически отзывались о профессионализме советских командиров всех рангов, их неумении организовать взаимодействие на поле боя, беззаботности относительно жизни и здоровья красноармейцев. ... Отмечался крайне низкий уровень воинской дисциплины в Красной Армии». На основании этих донесений в столицах западных держав делали вывод об общей слабости СССР в военном отношении. В Лондоне и Париже считали, что Советский Союз не может рассматриваться как серьезный партнер в возможных переговорах о военном сотрудничестве, а в Берлине господствовало мнение, будто СССР — колосс на глиняных ногах, с которым нетрудно будет справиться в предстоящем военном столкновении⁵⁰.

Этот тезис охотно был подхвачен теми авторами, для которых был характерен обвинительный уклон при освещении внешней и внутренней политики СССР периода 1930-х гг. «Обнаружившаяся в Советско-финляндской войне бездарность советского командования укрепила решимость Гитлера воевать с СССР», — утверждал, например, на страницах газеты «Ленинская правда» В. Холодковский⁵¹.

В самом деле, что касается Германии, то имеются свидетельства в пользу того, что в немецких руководящих кругах после советско-финляндского конфликта стали склоняться к мысли о возможности достижения легкой победы над Советским Союзом⁵². Однако известны документы и противоположного характера: например, 8 марта 1940 г. Гитлер в письме Муссолини дал такую оценку итогов «зимней войны»: «Принимая во внимание возможности снабжения, никакая сила в мире не смогла бы, или если бы и смогла, то только после долгих приготовлений достичь таких результатов при морозе в 30–40 градусов и на такой местности, каких достигли русские...»⁵³. Так что вопрос этот, в сущности, не подвергался серьезному исследованию в отечественной историографии, и кочующие из работы в работу утверждения нуждаются в документальном подтверждении. Тем более не совсем ясно, насколько справедлив тезис об *ускорении* подготовки Германии к нападению на СССР в связи с «зимней войной», поскольку известно, что принципиальное решение о начале подготовки к реализации замысла похода на восток было принято Гитлером летом 1940 г., после поражения Франции, и зависело в первую очередь от развития событий на Западном фронте⁵⁴.

А. М. Носков высказал также предположение, что руководство Германии принимало решение о подготовке операции «Везерюбунг» по захвату плацдарма в Северной Европе под впечатлением от слабости Красной Армии. Это предположение не находит

никакой опоры в источниках. Напротив, если обратиться к давно известным историкам документам, связанным с планированием и подготовкой нацистами операции «Везерюбунг», то станет очевидным, что захват Норвегии был тесным образом связан с общей стратегической концепцией Гитлера и его планами ведения Второй мировой войны, согласно которым создание плацдарма в Северной Европе должно было «облегчить выполнение задач в войне против России»⁵⁵; непосредственное же осуществление этих планов весной 1940 г. увязывалось с ходом военного противоборства с Англией⁵⁶. Другое дело, что Советско-финляндская война зимой 1939 г. стала рассматриваться в Лондоне как удобный предлог для установления контроля над портами Скандинавии в целях воспрепятствовать транспортировке сырья в Германию. Активность Британии в этом регионе, в частности, захват германского транспорта «Альтмарк» в норвежских территориальных водах, убедила Гитлера в серьезности угрозы. К таким выводам давно пришли и зарубежные исследователи, в частности, специально исследовавший этот вопрос Э. Зимке⁵⁷. Только в таком ракурсе «зимнюю войну» можно рассматривать как один из факторов, повлиявших на принятие Гитлером решения осуществить превентивный захват Норвегии именно в этот период.

Еще один тезис, активно использовавшийся в публицистике 1990-х гг. — заимствованное из западной литературы периода «холодной войны» утверждение о том, что Финляндия, не будь «зимней войны», осталась бы нейтральной в будущем советско-германском конфликте. Данная точка зрения ранее высказывалась прежде всего в финской историографии. «...Если бы не «зимняя война», в которой мы потеряли десятую часть территории, Финляндия, быть может, не стала бы союзницей Гитлера в сорок первом, предпочтя нейтралитет «шведского варианта», финская армия двинулась в то лето только забирать отобранное», — утверждал финский историк Ю. Невакиви⁵⁸. Обращает на себя внимание использованное Ю. Невакиви сослагательное наклонение — российские авторы, хотя и не исследовали специальным образом данный вопрос, высказывались гораздо более решительно, причем зачастую такие заявления делались людьми, далекими от истории по роду своих профессиональных занятий⁵⁹.

Ответственность за участие Финляндии в нападении на СССР и блокаду Ленинграда возлагается, таким образом, на Сталина и его приближенных. В. Холодковский прямо обвинял советское руководство в том, что оно своим необоснованным аннексионизмом «помешало Финляндии быть нейтральной». «Не будь советско-финляндской войны, — писал он, — Финляндия была бы нейтральной..., и это достаточно обеспечивало бы безопасность Ленинграда»⁶⁰. Аналогичным образом рассуждает К. Александров: «Агрессия 1939 года стала решающим фактором открытого выступления Финляндии в 1941 году против

СССР, приведшего к блокаде Ленинграда и миллионам умерших от голода»⁶¹. Им вторил П. Аптекарь: «...своими собственными руками был создан еще один противник в войне, до начала которой оставался лишь один год, три месяца и девять дней»⁶². В 2004 г. увидела в свет монография П. Аптекаря, в которой автор воспроизвел соответствующие тезисы: «Финляндия из вероятного противника после этой войны превратилась в обязательного при нападении любого государства на нашу страну»⁶³. П. Б. Липатов также указывал на связь между зимней войной и нападением Финляндии на СССР в 1941 г.⁶⁴.

Отметим, что названные историки, несмотря на категоричность своих утверждений, так и не предложили сколько-нибудь аргументированного обоснования наличия причинно-следственной связи между Советско-финляндской войной и нападением Финляндии на СССР в 1941 г. П. Аптекарь, например, ограничивается цитатой из сочинения М. Старинова «Записки диверсанта», где последний писал: «В результате кровопролитной непопулярной войны... граница была отодвинута на запад..., но Финляндия из англо-французского блока перешла в гитлеровский лагерь, а это привело позже к гибели сотен тысяч ленинградцев во время блокады, которой не было бы, если бы мы не воевали с Финляндией...»⁶⁵ Для пущей убедительности Аптекарь сообщает, что М. Старинов — участник этой войны, а также двух гражданских (в России и Испании) и Великой Отечественной войн⁶⁶. Историк, однако, ясно, что ссылки на чье-либо авторитетное мнение для корректного обоснования недостаточно. Также неубедительной выглядит чересчур прямолинейная попытка связать Зимнюю войну и жертвы блокадного Ленинграда: эта трагедия была обусловлена целым рядом факторов, в первую очередь неудачным для РККА ходом вооруженной борьбы на фронтах Великой Отечественной войны в 1941 г., и само по себе участие или неучастие Финляндии в войне против СССР не могло предопределить ее исход.

Б. Соколов, чья книжка в значительной степени основана на монографии П. Аптекаря и повторяет его выводы и оценки⁶⁷, столь же категоричен: «Если бы не «зимняя война», Финляндия *навверняка* сохранила бы нейтралитет в советско-германском конфликте»⁶⁸. (Отметим, что эту точку зрения Соколов излагал еще в 1990 г., опираясь на мнение американского историка Ч. Лундина⁶⁹). Основанием для такого вывода для Соколова служит «тактика финнов в 1941–1944 годах», которые, якобы, «отвоевав» потерянные в 1940 г. земли, «прекратили активные боевые действия» и «не стали» атаковать Ленинград с Карельского перешейка⁷⁰. Этот довод, однако, выдает незнание Соколовым перипетий событий на этом участке фронта в 1941–1944 гг. Проведенные российскими и финскими историками исследования показывают, что «остановка» наступления финнов на Ленинград была вызвана целым комплексом причин, среди которых некие «благородные» мотивы финских политиков отсутствуют⁷¹.

Решение же вопроса о причинности в истории, как представляется, в значительной мере связано с установлением мотивов действующих лиц. Поражение Финляндии в войне с СССР создало предпосылки, условия для нарастания в стране реваншистских настроений. Однако никакой предопределенности после марта 1940 г. в выборе правящих кругов Финляндии в пользу нападения на СССР вместе с Гитлером не могло быть (равно как не могло быть предопределенности блокады Ленинграда в 1941 г.) Только исследование внутренней и внешней политики Финляндии после 12 марта 1940 г. могло бы дать обоснованный ответ на вопрос, в какой мере на этот выбор повлияли итоги «зимней войны», а в какой мере — иные факторы. Ни один из вышеназванных авторов такого исследования не предлагает, ограничиваясь, в сущности, априорной констатацией.

Более взвешенный и сбалансированный подход к оценке итогов Советско-финляндской войны характерен для исторических исследований, появившихся со второй половины 1990-х гг., особенно принадлежащих перу специалистов-историков.

В предисловии ко второй книге совместного российско-финляндского труда «Зимняя война 1939–1940», являющегося наиболее серьезным вкладом последних лет в историографию темы, академик А. О. Чубарьян подчеркивает, что военно-политические последствия войны для СССР были весьма противоречивы: цена достигнутых целей оказалась высокой, международному авторитету страны и престижу Красной Армии был нанесен немалый ущерб⁷². В то же время авторы труда подчеркивают, что главным результатом войны было обеспечение Советским Союзом своих непосредственных стратегических интересов. Граница, установленная по Московскому мирному договору, приблизительно соответствовала границе Петра I (определенной Ништадским миром 1721 г.). Советское правительство не выдвинуло требований, которые касались бы вопросов, связанных с составом правительства Финляндии, ограничением ее суверенитета, «страна сохранила независимость и демократический строй»⁷³. На последнее обстоятельство справедливо указывает и В. Н. Барышников: «...Неправильно было бы утверждать, будто бы «зимняя война» закончилась разгромом Финляндии. Совершенно очевидным являлось то, что финский народ выстоял, а это для малой нации стало весомым итогом войны»⁷⁴, — пишет он. Эта оценка в определенной степени согласуется с выработанной финской историографией формулой «победа в поражении», которая отражает подход, согласно которому итоги зимней войны не вписываются в обычное противопоставление «поражение или победа»⁷⁵.

Говоря о непосредственных результатах войны, историки подчеркивают, что приобретения Советского Союза были больше того, на что он рассчитывал осенью 1939 г., предлагая Финляндии компромиссные варианты, и этот итог вполне мог удовлетворить

руководство СССР⁷⁶. Отмечается, что на довоенных переговорах СССР предлагал финнам, помимо всего прочего, материальную компенсацию за передаваемые территории, что должно было составить огромную сумму, теперь же финской стороне были выдвинуты материальные претензии в возмещение за вывезенное с потерянной территории оборудование и порчу имущества⁷⁷. «Главным итогом войны является то, что Советский Союз победил», — заключает М. А. Бикмеев. — «Несмотря на многочисленные потери и имеющиеся значительные недостатки в организации и ведении боевых действий в ходе кампании, на первом этапе Второй мировой войны Советский Союз действовал успешно»⁷⁸. Б. Г. Соловьев также указывает, что утверждение, будто Советско-финляндская война показала слабость Красной Армии, далеко не однозначно. Советские войска смогли прорвать мощную линию Маннергейма и продвинулись на 25–200 км на запад, финская же армия была разгромлена⁷⁹.

В период Перестройки высказывалось сомнение в оборонном значении переноса границы. Хотя граница была передвинута, писал Г. Л. Розанов, это не помешало во время Великой Отечественной войны установлению блокады Ленинграда. Мурманская железная дорога также была перерезана⁸⁰. Б. В. Соколов, приводя слова адмирала Н. Г. Кузнецова о том, что гарнизон Ханко не мог влиять на ход боевых действий на северо-западном участке советско-германского фронта, делает вывод: «Выходит, что не так важны оказались те «стратегические» пункты, якобы из-за которых Советский Союз пошел на войну с Финляндией...»⁸¹ Очевидно, что подобные утверждения невозможно обосновать: видимым результатом передвижки границы на Карельском перешейке стало то, что летом 1941 г. финские войска смогли выйти к старой государственной границе только к сентябрю.

В новейшей литературе довольно много внимания уделяется влиянию хода и итогов войны на реорганизацию и перевооружение РККА, повышение ее боеготовности.

Для отечественной историографии оценка войны как «поучительной школы» для Красной Армии, безусловно полезной и необходимой перед грядущим столкновением с более серьезным противником в лице Германии и ее союзников, была в целом традиционна⁸², однако в период конца 1980 — начала 1990-х гг. к этому аспекту последствий войны внимание историков и публицистов было очевидным образом ослаблено. Исключение составляет, пожалуй, диссертационное исследование В. В. Золотарева⁸³, результаты которого, к сожалению, не были в полной мере освоены историографией. Соответствующие исследования получили новый импульс с публикацией значительного числа архивных документов, показывающих, что по итогам войны руководством страны были предприняты масштабные меры для повышения боеспособности Красной Армии и укрепления ее командных кадров⁸⁴.

Эти документы позволили обосновать тезис о том, что приобретенный в войне с Финляндией опыт был необходим для дальнейшего совершенствования вооруженных сил советского государства⁸⁵. Этот процесс, наряду с упомянутой работой В. В. Золотарева, получил освещение в ряде новейших работ российских историков⁸⁶.

Интерес представляет изучение использования приобретенного РККА опыта в 1939–1940 гг. в ходе Великой Отечественной войны. Эта тема пока исследована только в ряде аспектов: в частности, в работах Д. А. Журавлева показано, каким образом знания и практический опыт «Зимней войны» повлияли на создание эффективной системы эвакуации раненых и больных воинов на Карельском, Ленинградском и Волховском фронтах в 1941–1944 гг.⁸⁷

В свете этих и других исследований историков исключительно умозрительным выглядит утверждение Б. Соколова о некоем «комплексе неполноценности», приобретенном Красной Армией в результате Советско-финляндской войны. Что касается упреков Соколова в адрес советского военного руководства, якобы неверно оценившего боеспособность Красной Армии и продолжавшего готовить войска к «наступательной войне», вместо того чтобы перестроить подготовку в «оборонительном» духе⁸⁸, то они и вовсе нелепы и выдают незнание автора с современной военно-исторической литературой, рассматривающей проблемы подготовки СССР к вероятной войне с Германией⁸⁹.

Заслуживает упоминания также точка зрения Ю. М. Килина, обратившего внимание на значение экономического потенциала отошедших к СССР районов Финляндии, который, «прежде всего передовое в технологическом отношении производство высококачественной целлюлозы, а также электроэнергии для военных предприятий Ленинграда, был особенно важен для материально-технической подготовки СССР к мировой войне, учитывая фактор времени»⁹⁰. Мнение Ю. М. Килина, однако, не нашло поддержки у специалистов⁹¹.

Авторы труда «Зимняя война 1939–1940» обращают внимание на то обстоятельство, что война не была локальным конфликтом Финляндии и СССР, а являлась частью Второй мировой войны, исходя из чего следует рассматривать ее причины и результаты. В результате войны СССР достиг своих стратегических целей, но приобрел готового к реваншу соседа. В то же время в книге подчеркивается, что сближение Финляндии с Германией было связано с изменением ситуации в Европе после поражения Франции — в начале Финляндия стремилась получить дипломатическую поддержку, а затем уже возникло стремление к пересмотру условий советско-финляндского мирного договора от 12 марта 1940 г.⁹² Таким образом, поражение войск англо-французской коалиции в Норвегии, а затем во Франции создали решающие предпосылки для постепенного сближения Финляндии с Германией.

Современные исследователи, в то же время, отвергают «случайность» присоединения Финляндии к агрессивной коалиции, сложившейся против СССР во главе с Германией. В. Н. Барышников, в частности, на солидной источниковой базе обосновал, что нападение на СССР в июне 1941 г. стало плодом избранной финляндским руководством сознательной политической и военной линии⁹³. В его монографии показано, каким образом после «зимней войны» в финляндском руководстве возобладали реваншистские настроения. Советско-финляндская война предстает как одна из предпосылок того, что уже к лету 1940 г. политика Финляндии приобретает ярко выраженную прогерманскую направленность⁹⁴. Наряду с итогами советско-финляндской войны свою роль сыграли и другие факторы: изменение военно-политической ситуации в Европе в результате побед вермахта на западе, ошибочная линия советской дипломатии на воспрепятствование созданию союза северных стран, воспринимавшаяся в Хельсинки как доказательство растущей «советской угрозы»⁹⁵, и др. Таким образом, нападение Финляндии на СССР не выглядит predetermined результатами «зимней войны» 1939–1941 гг. Подводя итог историографического осмысления этого вопроса, следует отметить, что надежные данные о том, какой была бы позиция Финляндии при условии, если бы Советско-финляндская война не состоялась, в сущности, отсутствуют. Авторы, критиковавшие решение Сталина начать войну с Финляндией, основывали свою оценку в первую очередь на допущении, что Финляндия при ином развитии событий осталась бы нейтральной, а также на оценке результатов войны как неудачных для СССР. Очевидно, однако, что, несмотря на констатацию связи между «зимней войной» и усилением в Хельсинки реваншистских политических сил в 1940–1941 гг., нет достаточных оснований утверждать, что Финляндия не стала бы сателлитом Германии и в том случае, если бы «зимняя война» вообще не состоялась. Этот вопрос является по меньшей мере спорным. (Авторы труда «Зимняя война», например, говорят о том, что война *подтолкнула* Финляндию к союзу с Германией⁹⁶).

Кроме того, ретроспективная оценка не учитывает вероятный сценарий (из которого могли исходить политики в Кремле), по которому результатом войны могло стать безусловное поражение Финляндии и приход к власти сил, гарантировавших ее неприкосновенность к любому вероятному агрессору. Можно спорить, насколько высока была ставка и насколько, соответственно, оправдан был риск, связанный с развязыванием военных действий против Финляндии. И. В. Сталин и его окружение посчитали, что вовлечение Финляндии во враждебную Советскому Союзу коалицию будет представлять настолько серьезную угрозу для СССР, что пренебрегли неизбежными рисками, связанными с непредсказуемостью результатов войны (или же переоценили возможности Красной Армии). Тем не менее, с данной точки зрения принятое ими решение выглядит рациональным.

- ¹ См., напр.: Амбарцумов Е. А. Советско-финляндские отношения. М., 1956; Новейшая история (1918–1939 гг.): курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1948. С. 562; Федоров В. Г. Финляндия и империалистические державы накануне второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1964. № 6; и др.
- ² См., напр.: Амбарцумов Е. А. Советско-финляндские отношения. М., 1956; Федоров В. Г. Финляндия и империалистические державы накануне мировой войны // Новая и новейшая история. 1964. № 6; Бартенев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. М., 1976; Похлебкин В. В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений (1713–1973). М., 1975. Обзор советской историографии см.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. СПб., 1997. С. 39–41.
- ³ См., напр.: Внешняя политика правительства // Правда. 1940. 30 марта.
- ⁴ Куусинен О. Финляндия — вассал гитлеровской Германии: стенограмма публичной лекции. М., 1944; Куусинен О. Что раскрыл процесс финских сообщников Гитлера // Новое время. 1946. № 3.
- ⁵ Ильинский Я. С. Финляндия. М., 1947; Рысаков П. Советско-финляндские отношения. М., 1948; Архипов Д. И. Финляндия. М., 1952.
- ⁶ Это выражение было заимствовано финскими историками из мемуаров германского посланника В. Блюхера, писавшего, что «Финляндия попала в круговорот большой политики, подобно сплавному бревну, оказавшемуся во власти бурной финской реки» (Цит. по: Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 37).
- ⁷ Обзор финской историографии по этому вопросу см.: Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 35–55.
- ⁸ «Финляндии пришлось объявить войну Советскому Союзу» 26 июня 1941 г. после «агрессивных действий русских» — пишет, например, автор одного из наиболее серьезных на Западе трудов по военно-морской тематике Ю. Майстер. См.: Майстер Ю. Восточный фронт. Война на море 1941–1945 гг. Пер. с нем. М., 2005. С. 47 (Первое издание этой книги увидело свет в 1957 г.).
- ⁹ Суни Л. В. Начало германо-финского сближения // Вопросы истории. Петрозаводск, 1970; Вайну Х. М. Буржуазная и социал-демократическая историография о внешней политике Финляндии во время второй мировой войны // Скандинавский сборник. XXVIII. Таллинн, 1983; Вайну Х. М. Финляндия в плане «Барбаросса»: Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1973.
- ¹⁰ Барышников Н. И. На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы второй мировой войны. Л., 1978; Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.
- ¹¹ Вопросы истории. 1993. № 2. С. 178.
- ¹² Некоторые исследователи так характеризуют этот период: «Среди исследователей в первой половине 1990-х годов укрепились штатные идеологи и пропагандисты либерализма, прибегавшие к замаскированному под науку шарлатанству с целью огульного очернения и поругания советской истории» (Историография сталинизма. Сб. статей под ред. Н. А. Симония. М., 2007. С. 8).
- ¹³ Напр.: Барышников В. Н. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Носков А. Незнаменитая война // Красная звезда. 1989. 30 ноября; Орлов А. С. Можно ли было избежать конфликта? // Родина. 1989. № 8; Петров В. Была такая война // Аргументы и факты. 1988. № 39; Семиряга М. И. На той войне неизвестной // Выборгский коммунист. 1989. 29, 30 ноября; Чудаков М. Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12, 14 ноября; и др.
- ¹⁴ Барышников В. Н. Изучение Советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006.
- ¹⁵ См., напр.: Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года // Международная жизнь. 1989. № 12; Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7.
- ¹⁶ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1998; Тайны и уроки Зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000; Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию Советско-финляндской войны. М., 2009; Зимняя война (документы о Советско-финляндских отношениях 1939–1940 гг. // Международная жизнь. 1989. № 8, 12; Правительство Куусинена: эпизод Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Вестник МИД СССР. 1989. № 22; Советско-финляндская война // Военно-исторический журнал. 1990. № 1; и др.
- ¹⁷ См., напр.: Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 4, 5, 6 января;
- ¹⁸ Семиряга М. И. Ненужная война // Архивы раскрывают тайны...: Международные вопросы: события и люди. М., 1991; Новобранец В. А. Накануне войны // Знамя. 1990. № 6. С. 171.
- ¹⁹ Семиряга М. И. Политическая подоплека «зимней войны» // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 35–36.
- ²⁰ Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 59, 62–64; Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 5 января. С. 3; Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008. С. 136.
- ²¹ Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. С. 8–14.
- ²² Граниты финские, граниты вековые... Мирная дискуссия о финской войне // Родина. 1995. № 12. С. 36.
- ²³ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 18.
- ²⁴ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 38, 93, 138

- ²⁵ Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 2008. С. 186; См. также: Барышников В. Н. Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 275; Носков А. Война, которой могло не быть? // Труд 1989. 30 ноября. С. 4.
- ²⁶ Цит. по: Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940 / Пер. с англ. М., 2003. С. 42.
- ²⁷ Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 2. С. 272.
- ²⁸ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 187–188.
- ²⁹ Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне: 1929–1941 годы. М., 2004. С. 387.
- ³⁰ Шубин А. В. Указ. соч. С. 390.
- ³¹ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 188–189.
- ³² Мельтюхов М. И. Народный фронт для Финляндии? // Отечественная история. 1993. № 3. С. 100.
- ³³ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940). СПб-Хельсинки, 2003. С. 30–57, 242.
- ³⁴ Бушуева Т. С. Проблемы источниковедения и историографии Зимней войны // Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 72.
- ³⁵ Рецензию см.: Никифоров Ю. А., Киселев О. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 60–62.
- ³⁶ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940). СПб-Хельсинки, 2003. С. 30–57, 241–242.
- ³⁷ Зимняя война. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 178.
- ³⁸ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Указ. соч. С. 246.
- ³⁹ Донгаров А. Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 45.
- ⁴⁰ См., напр.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 30–33; Барышников В. Н. СССР и Финляндия в 1920–1930-е годы: к проблеме начала «зимней войны» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 12; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. М., 2002. С. 120–121; От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1940 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 170.
- ⁴¹ Христофоров В. С. Исторические уроки Зимней войны // Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 50.
- ⁴² Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 6; Аптекарь П. Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско-финляндской войне) // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 43–45.
- ⁴³ Семиряга М. И. О чем не упомянул Сталин, подводя итоги «зимней войны» с Финляндией // Красная звезда. 1997. 19 апреля; Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 81.
- ⁴⁴ Розанов Г. Л. Сталин–Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг. М., 1991. С. 130.
- ⁴⁵ Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 130–132.
- ⁴⁶ Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 139–140.
- ⁴⁷ Носков А. М. Северный узел межгосударственных противоречий // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 10.
- ⁴⁸ Липатов П. Б. Зимняя война. М., 1996. С. 46.
- ⁴⁹ Носков А. М. Указ. соч. С. 16.
- ⁵⁰ Семиряга М. И. Политическая подоплека «зимней войны» // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия. Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 48; см. также: Липатов П. Б. Указ. соч. С. 46.
- ⁵¹ Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 6 января. С. 3.
- ⁵² Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., М., 2005. С. 60.
- ⁵³ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser.D. Vol.VIII. P. 877. Цит. по: Бугаев А. День “N”. Неправда Виктора Суворова. М., 2007. С. 108.
- ⁵⁴ Документы о германском планировании агрессии против СССР см.: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера: путь к катастрофе. В 4-х т. М., 2005.
- ⁵⁵ Из выступления адмирала Редера на разборе военно-стратегических игр, посвященных отработке морской стратегии Германии в будущей войне (12.04.1938 г.). См.: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе. В 4-х т. Т. 2. М., 2005. С. 82.
- ⁵⁶ Дашичев В. И. Указ. соч. С. 96–128.
- ⁵⁷ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945. М., 2005. С. 19–40.
- ⁵⁸ Цит. по: Чудаков А. Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12–14 ноября.
- ⁵⁹ См., напр.: Эфиров С. А. Белые пятна. Воображаемый диалог о пределах гласности // Социологические исследования. 1988. № 6. С. 73.
- ⁶⁰ Холодковский В. Эта зимняя война. // Ленинская правда. 1990. 6 января. С. 3.

- ⁶¹ Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 81; см. также: Александров К. 30 ноября 1939 года: итоги и выводы // Посев. 1999. № 11.
- ⁶² Аптекарь П. Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско-финляндской войне) // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 43–45.
- ⁶³ Аптекарь П. Советско-финские войны. М., 2004. С. 359; также см. С. 338.
- ⁶⁴ Липатов П. Б. Зимняя война // Советско-финская война 1939–1945 гг. Мн., 1999. С. 175.
- ⁶⁵ Старинов М. Записки диверсанта. М., 1997. С. 148.
- ⁶⁶ Аптекарь П. Указ. соч. С. 359.
- ⁶⁷ Хотя и появилась в печати раньше — автор в предисловии специальным образом оговаривает, что использовал рукопись П. Аптекаря при подготовке собственного сочинения.
- ⁶⁸ Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. С. 366–367.
- ⁶⁹ Соколов Б. Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998. С. 65. Впервые опубли.: Историки отвечают на вопросы / Сост. А. В. Поликарпов. М., 1990. Вып. 2.
- ⁷⁰ Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. С. 367.
- ⁷¹ См.: Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007. С. 53–76
- ⁷² Зимняя война 1939–1940. М., 1999. Кн. 2. С. 4–5.
- ⁷³ Зимняя война 1939–1940 гг. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 362–364.
- ⁷⁴ Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 61.
- ⁷⁵ См.: Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 222–223.
- ⁷⁶ Барышников В. Н. Советско-финляндские отношения в 1940–1941 гг. и вступление Финляндии во Вторую мировую войну // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 217.
- ⁷⁷ Пыхалов И. В. Великая оболганная война. М., 2005. С. 180–181.
- ⁷⁸ Бикмеев М. А. Советско-финляндская война 1939–1940. Факты, события, люди и безвозвратные потери Башкортостана. Уфа, 1999. С. 81, 84.
- ⁷⁹ Соловьев Б. Г. 22 июня 1941 года (Как готовилась война против СССР). М., 2004. С. 102.
- ⁸⁰ Розанов Г. Л. Сталин–Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг. М., 1991. С. 137.
- ⁸¹ Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. С. 366. Словечко «якобы», использованное Б. Соколовым, призвано подчеркнуть, что истинной целью войны со стороны СССР было не занятие «стратегических пунктов», важных для обороны страны, а захват и «советизация» Финляндии.
- ⁸² Носков А. М. Северный узел межгосударственных противоречий // Военно-исторический журнал. 1990. № 7.
- ⁸³ Золотарев В. В. Влияние советско-финляндской войны на строительство Вооруженных Сил СССР и развитие военного искусства. Дисс... к.и.н. М., 1993.
- ⁸⁴ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999; Акт о приеме наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // Известия ЦК КПСС, 1990, № 1; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., СПб., 2004.
- ⁸⁵ Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 103; Пыхалов И. В. Указ. соч. С. 182; Бикмеев М. А. Указ. соч. С. 82–83.
- ⁸⁶ Аверченко С. В. Изучение опыта советско-финляндской войны в техническо-эксплуатационной службе ВВС Красной Армии в 1940–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 9. С. 36–41; Цамутали А. К. Использование опыта, приобретенного командным составом Красной армии во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997; Петров П. В. Уроки советско-финляндской войны на море (По материалам совещания командно-начальствующего состава ВМФ в Ленинграде 13–14 марта 1940 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001.
- ⁸⁷ Журавлев Д. А. Использование опыта Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. по эвакуации раненых и больных в условиях Великой Отечественной войны // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 289–294.
- ⁸⁸ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 394–395, 398.
- ⁸⁹ В первую очередь следует указать труд «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки» (Кн. 1. М., 1998).
- ⁹⁰ Килин Ю. Карелия в политике советского государства. М., 1990. С. 237.
- ⁹¹ См.: Барышников Н. И. Проблема Петсамо в Советско-финляндских отношениях (1939–1944 гг.) // Война в Арктике (1939–1945 гг.) Архангельск, 2001. С. 23.
- ⁹² Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 371–372.
- ⁹³ Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб., 2005.
- ⁹⁴ Барышников В. Н. Указ. соч. С. 220–221.
- ⁹⁵ Барышников В. Н. Советско-финляндские отношения в 1940–1941 гг. и вступление Финляндии во Вторую мировую войну // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 217.
- ⁹⁶ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 375.